

С. М. ШТЕМЕНКО

Генеральный штаб в годы войны

<Фрагменты>

<...> И. В. Сталин установил порядок круглосуточной работы Генштаба и лично регламентировал время его руководящего состава. Например, заместителю начальника Генштаба, на пост которого в декабре 1942 года прибыл А. И. Антонов, полагалось находиться при исполнении своих обязанностей по 17–18 часов в сутки. На отдых ему отводилось время с 5–6 часов утра до 12 дня. А мне, занимавшему с мая 1943 года должность начальника Оперативного управления, отдыхать разрешалось с 14 до 18–19 часов. Точно так же были расписаны часы работы и отдыха для всех других руководящих работников.

Доклады Верховному Главнокомандующему делались, как правило, три раза в сутки. Первый из них имел место в 10–11 часов дня, обычно по телефону. Это выпадало на мою долю. Вечером, в 16–17 часов, докладывал заместитель начальника Генштаба. А ночью мы ехали в Ставку с итоговым докладом за сутки. Перед тем подготавливалась обстановка на картах масштаба 1:200000 отдельно по каждому фронту с показом положения наших войск до дивизий, а в иных случаях и до полка. Даже досконально зная, где что произошло в течение суток, мы все равно перед каждой поездкой 2–3 часа тщательно разбирались в обстановке, связывались с командующими фронтами и начальниками их штабов, уточняли с ними отдельные детали проходивших или только еще планировавшихся операций, советовались и проверяли через них правильность своих предположений, рассматривали просьбы и заявки фронтов, а в последний час редактировали подготовленные на подпись проекты директив и распоряжений Ставки.

Все материалы, требовавшие решения Верховного Главнокомандования, заранее сортировались и раскладывались по трем разноцветным папкам. В красную папку попадали документы первостепенной важности, докладывавшиеся в первую очередь; это в основном приказы, директивы, распоряжения, планы распределения вооружения действующим войскам и резервам. Синяя папка предназначалась для бумаг второй очереди; обычно в нее шли различного рода просьбы. Содержимое же зеленой папки составляли представления к званиям и наградам, предложения и приказы о перемещениях и назначениях должностных лиц.

Документы из красной папки докладывались обязательно полностью и тут же получали ход. Из синей они извлекались выборочно «по мере возможности», но, как правило, ежедневно. Зеленая папка докладывалась только при благоприятной обстановке. Иногда нам не приходилось раскрывать ее по три-четыре дня. Мы старались правильно определить ситуацию, позволявшую доложить тот или иной вопрос, и почти никогда не ошибались. Вскоре Сталин раскусил нашу нехитрую механику. Иногда он сам предупреждал:

— Сегодня рассмотрим только важные документы.

А в другой раз говорил:

— Ну а теперь давайте и вашу зеленую...

Справедливости ради должен заметить, что И. В. Сталин очень высоко ценил работников Генерального штаба и направлял их на самые ответственные посты в действующую армию. Уже в первые месяцы войны тогдашний начальник Генерального штаба Г. К. Жуков вступил в командование фронтом. Его заместитель Н. Ф. Ватутин стал начальником штаба, а затем и командующим фронтом. Начальники управлений и их заместители Г. К. Маландин и А. Ф. Анисов, начальники отделов В. В. Курасов, М. Н. Шарохин, П. И. Кокорев, Ф. И. Шевченко и другие были назначены начальниками штабов фронтов и армий, а впоследствии некоторые из них успешно командовали армиями. Кое-кто, например В. Д. Карпухин, получил под свое командование дивизию.

Вопреки установившимся канонам Сталин считал, что хороший штабист никогда не подведет и на командной работе, но, для того чтобы быть полноценным штабным работником, надо знать жизнь войск. А потому всех нас без исключения командировали на фронты очень часто, и порой на продолжительное время. Такая практика в некоторых случаях заметно ослабляла состав

Генерального штаба, создавала дополнительные трудности в его повседневной работе. Однако у Верховного Главнокомандующего и на сей счет существовала своя, твердо установившаяся точка зрения: он полагал, и, очевидно, не без основания, что «на месте Генштаб всегда как-нибудь выкрутится», а войсковая практика в боевых условиях полезна каждому из нас.

В то же время мы всегда чувствовали его заботу об авторитете Генштаба. При докладах в Ставке командующих фронтами И. В. Сталин непременно спрашивал: «Каково мнение Генштаба?» или «Рассматривал ли этот вопрос Генштаб?». И Генштаб всегда излагал свое мнение. Во многих случаях оно не отличалось от мнения командующих фронтами, но, коль его спрашивали, надо было докладывать.

Верховный не терпел даже малейшего вранья или приукрашивания действительности и жестоко карал тех, кто попадался на этом. Хорошо помню, как в ноябре 1943 года был снят с должности начальник штаба 1-го Украинского фронта за то, что не донес о захвате противником одного важного населенного пункта в надежде, что его удастся вернуть.

Естественно, что при докладах в Ставке мы очень следили за формулировками. Само собой у нас установилось правило никогда не докладывать непроверенные или сомнительные факты. А их бывало достаточно. В донесениях, например, часто фигурировала фраза: «Войска ворвались в пункт Н» или «Наши войска удерживают окраину пункта Х». Верховному в таких случаях докладывалось: «Наши войска ведут бои за пункт Н или пункт Х».

Доклады Генерального штаба в Ставке имели свой строгий порядок. После вызова по телефону мы садились в автомашину и по пустынной Москве отправлялись в Кремль или на «Ближнюю» — кунцевскую дачу Сталина. В Кремль въезжали через Боровицкие ворота и, обогнув здание Верховного Совета СССР по Ивановской площади, сворачивали в так называемый «уголок», где находились квартира и рабочий кабинет И. В. Сталина. Через кабинет Поскребышева входили в небольшое помещение начальника личной охраны Верховного Главнокомандующего и, наконец, попадали к нему самому.

В левой части кабинета со сводчатым потолком и обшитыми светлым дубом стенами стоял длинный прямоугольный стол. На нем мы развешивали карты и по ним докладывали за каждый фронт в отдельности, начиная с того, где в данный момент

происходили главные события. Никакими предварительными записями не пользовались. Обстановку знали на память, и она была отражена на карте.

За торцом стола, в углу, стоял большой глобус. Должен заметить, однако, что за сотни раз посещения этого кабинета мне никогда не довелось видеть, чтобы им пользовались при рассмотрении оперативных вопросов. Разговоры о руководстве действиями фронтов по глобусу беспочвенны¹.

Кроме Верховного Главнокомандующего на докладах, как правило, присутствовали члены Политбюро ЦК ВКП(б) и члены Ставки. При необходимости вызывались командующий артиллерией Н. Н. Воронов, командующий бронетанковыми и механизированными войсками Я. Н. Федоренко, командующий ВВС А. А. Новиков, начальник инженерных войск М. П. Воробьев, начальник Главного артиллерийского управления Н. Д. Яковлев, начальник тыла Советской Армии А. В. Хрулев и другие. Они докладывали и давали справки по своим специальным вопросам.

Члены Политбюро садились обычно вдоль стола у стены лицом к нам, военным, и к большим портретам Суворова и Кутузова, висевшим на противоположной стороне кабинета. Сталин слушал доклад, прохаживаясь у стола с нашей стороны. Изредка подходил к своему письменному столу, стоявшему в глубине кабинета справа, брал две папиросы «Герцеговина Флор», разрывал и набивал табаком трубку. Правее письменного стола на особой подставке белела под стеклом гипсовая посмертная маска В. И. Ленина.

Доклад наш начинался с характеристики действий своих войск за истекшие сутки. Фронты, армии, танковые и механизированные корпуса назывались по фамилиям командующих и командиров, дивизии — по номерам. Так было установлено Сталиным. Потом мы все привыкли к этому и в Генштабе придерживались такой же системы.

Затем докладывались проекты директив, которые надо было отдать войскам. Директивы Ставки подписывали Верховный Главнокомандующий и его заместитель или начальник Генерального штаба, а когда в Москве не было ни Г. К. Жукова, ни А. М. Василевского, вторым подписывался А. И. Антонов. Распоряжения меньшей важности заканчивались фразой «По поручению Ставки», и дальше следовала подпись либо А. М. Василевского, либо А. И. Антонова. Часто такие распоряжения формулировались прямо в Ставке. Сталин диктовал, я записывал. Потом он заставлял

читать текст вслух и при этом вносил поправки. Эти документы, как правило, не перепечатывались на машинке, а прямо в оригинале поступали в находившуюся неподалеку аппаратную узла связи и немедленно передавались на фронты.

Тем временем мы извлекали нашу синюю папку и начинали докладывать просьбы фронтов. Они касались главным образом пополнения войск живой силой, поставок вооружения, техники, горючего. Конечно, предварительно все эти просьбы рассматривались в Генштабе с участием командующих видами вооруженных сил и родов войск.

С доклада мы возвращались лишь в 3–4 часа утра.

Иногда приходилось бывать в Ставке и по два раза на протяжении одних суток.

Установленный Сталиным жесткий порядок работы Генштаба никто не мог изменить. Огромный объем этой работы, ее неотложность делали службу здесь крайне изнурительной. Работали на износ, наперед зная, что даже за малейшую ошибку с тебя будет строго взыскано. Не каждый мог выдержать такое напряжение. Некоторые из моих товарищей длительное время страдали впоследствии истощением нервной системы, сердечными заболеваниями. Многие сразу же после войны, не дослужив до возрастного срока, ушли в запас.

Должен заметить, что режим военного времени оставался в Генштабе почти неизменным вплоть до смерти Сталина: мы по-прежнему заканчивали свой трудовой день в 3–4 часа утра, а к 10–11 часам дня обязаны были опять являться на службу.

...Описывая работу Генерального штаба в годы войны, я, конечно, обязан более или менее подробно рассказать о двух выдающихся его руководителях — А. М. Василевском и А. И. Антонове. Первый был начальником Генерального штаба с середины 1942 до февраля 1945 года. Второй вступил на этот высокий пост уже в конце войны, но еще задолго до того, будучи первым заместителем начальника Генштаба, в связи с длительным пребыванием А. М. Василевского на фронтах, успешно исполнял его обязанности...

...С первых месяцев войны Александру Михайловичу пришлось близко общаться со Сталиным, который, как уже отмечалось, не терпел ответов приблизительных, наугад, часто требовал личного уточнения обстановки на месте. Не один раз работа Василевского в действующей армии была сопряжена с большим риском для жизни, но всегда выполнялась в срок и с безупречной точностью,

а доклады его в Ставке отличались исчерпывающей полнотой и ясностью. Эти его качества Верховный Главнокомандующий оценивал в полной мере и все чаще стал посылать Александра Михайловича на фронт, когда возникала необходимость поглубже проанализировать тот или иной вопрос и выработать наиболее верное решение, сформулированное в виде готовых предложений.

Природа наделила А. М. Василевского редким даром буквально на лету схватывать главное, делать правильные выводы и как-то особенно ясно предвидеть, в каком направлении пойдет дальнейшее развитие событий. Однако он никогда не выставлял этого напоказ. Наоборот, всегда с подчеркнутым вниманием выслушивал мнения и соображения других, не имел привычки обрывать собеседника, даже если не согласен с ним, а терпеливо убеждал его, доказывал и в конечном счете обычно привлекал оппонента на свою сторону. В то же время Александр Михайлович умел постоять за собственную точку зрения перед Верховным Главнокомандующим. Делал это тактично, но достаточно твердо.

<...> Отлично понимая, сколь отрицательно сказывается на работе Генштаба частое отсутствие на месте начальника, Александр Михайлович настойчиво искал себе достойного заместителя. И такой человек был найден. 11 декабря 1942 года мы узнали, что по рекомендации А. М. Василевского на должность начальника Оперативного управления и заместителя начальника Генштаба назначен генерал-лейтенант А. И. Антонов, занимавший до того пост начальника штаба на Закавказском фронте. Многие его знали и одобрительно отзывались о нем. А. И. Антонов детально ознакомился с людьми управления, тщательно изучал оперативную обстановку, вполне свободно ориентировался и в делах Генштаба, и в положении на фронтах. Постепенно у нас прекратились бдения в приемной. Не без помощи Антонова Верховным Главнокомандующим был установлен трудный и жесткий, но в целом необходимый и приемлемый регламент работы Генштаба, который сохранился на годы. При этом сам он делил с нами все тяготы службы...

<...> Большой труженик и блестящий знаток штабной службы, Алексей Иннокентьевич крепко держал в своих руках все нити оперативного руководства боевыми действиями многомиллионной армии. За счет своей богатейшей эрудиции и тогда еще молодых сил он справлялся с этим безупречно. Представители Ставки, направляя свои доклады Верховному Главнокомандующему, непременно адресовали их копию «товарищу Антонову». Каждый

знал, что Антонов предпримет по этим докладам все необходимое точно и в срок...

<...> У Верховного Главнокомандующего А. И. Антонов пользовался непреерекаемым авторитетом. И я полагаю, что тут не последнюю роль сыграла мужественная прямота Алексея Иннокентьевича, правдивость его докладов, в которых всегда и все строго соответствовало истине, как бы горька она ни была. При необходимости Антонов осмеливался возражать Сталину и уж во всяком случае высказывал свое мнение...

<...> Военно-топографическую службу Генштаба возглавлял блестящий знаток этого дела генерал М. К. Кудрявцев. Карт самого различного назначения и разных масштабов требовалось чрезвычайно много. А надо заметить, что до войны карты, нужные войскам, на значительную часть территории нашего государства не составлялись. Мы располагали вполне современными топографическими картами лишь до рубежа Петрозаводск, Витебск, Киев, Одесса. Когда же противник потеснил нас за этот рубеж, ко всем прочим бедам прибавилось еще и отсутствие карт. Пришлось срочно формировать новые топографические части, создавать новые военно-картографические фабрики, мобилизовывать возможности гражданских ведомств. Работа кипела днем и ночью. Только за первые полгода войны вновь составленными картами разных масштабов была освещена площадь, превышающая полтора миллиона квадратных километров.

Размеры военно-топографических съемок и производства карт оставались чрезвычайно большими и в последующее время. Всего за годы войны съемками и рекогносцировками была охвачена территория в пять с половиной миллионов квадратных километров, составлено и издано различных военно-географических справочников и описаний на площадь свыше семи миллионов квадратных километров...

<...> Суточный цикл в Оперативном управлении, как и во всем Генеральном штабе, начинался с семи утра. В этот час начальники направлений приступали к сбору обстановки за прошедшую ночь. К каждому из них являлся представитель разведки и уточнял на карте данные о противнике. Одновременно обобщались сведения о положении и состоянии своих войск. В этом начальникам направлений помогали все другие органы Генштаба, каждый по роду своей деятельности.

А у начальника Оперативного управления не смолкали телефонные звонки. Он вел переговоры с начальниками штабов

фронтов, лично уточняя обстановку. Они обязательно звонили сами, если в течение ночи был достигнут серьезный успех, занят важный пункт. При неудачах со звонками не спешили. Но когда гора не идет к Магомету, Магомет идет к горе: в этом случае мы сами вызывали на провод «запоздавшего», и истина прояснялась.

По мере готовности материалов появлялись с докладами начальники направлений. Само собой разумеется, что доклады эти не были длинными.

Мы все детально знали обстановку, и поэтому часто докладчик не произносил ни слова, а просто сверял свою карту с картой начальника управления, разложенной на столе. Если обнаруживались какие-то расхождения, он обращал на них внимание начальника, говорил, что надо дополнить. В иных случаях у начальника Оперативного управления были более свежие данные, полученные в результате переговоров со штабом фронта. При таком стечении обстоятельств начальник направления вносил исправления на свою карту. И лишь изредка, когда расхождения оказывались слишком уж значительными или по каким-то другим причинам возникали сомнения относительно истинного положения войск, тут же еще раз вызывали по ВЧ штаб фронта для нового уточнения обстановки.

Четкость ведения карт была, можно сказать, идеальной. В управлении применялись единые условные цвета и знаки для определенного времени и любого вида боевых действий. Неукоснительное исполнение этого однажды установленного порядка и длительная практика позволяли легко читать обстановку с карты любого направления без пояснений. В высшей мере добросовестное отношение офицеров и генералов ко всем «мелочам» службы избавляло нас от многих непроизводительных потерь времени и главное — ограждало от ошибок. Никакое, кажется, наставление не смогло бы предусмотреть наших генштабовских тонкостей.

Примерно в 9.00 к начальнику Оперативного управления приходил генерал-лейтенант Онянов с обобщенными данными о противнике. В это же время из ВОСО приносили график перевозок; по нему нетрудно было проследить, что на какой фронт подается и где в данный момент находится. Затем просматривались справки о состоянии резервов и начиналось редактирование утреннего боевого донесения.

В 10 часов донесение подписывалось, и начальник Оперативного управления был готов к докладу Верховному Главнокомандую-

щему. На двух больших ярко освещенных наклонных столах раскладывались двухсоттысячные карты по каждому фронту и одна сводная миллионного масштаба, отображавшая положение на всех фронтах сразу. Тут же, что называется под рукой, находились три справки: о состоянии резервов всех видов, график перевозок и книга боевого состава действующей армии до полка с фамилиями командующих и командиров до дивизии включительно. Все остальные данные имелись на картах.

Оперативное управление было связано с Верховным Главнокомандующим особым прямым телефоном. Когда-то такого телефона не было, и Сталин звонил по общему. Но случилось так, что однажды он не получил немедленного ответа — номер оказался занятым. Через несколько минут начальник управления выслушал соответствующее внушение и получил приказание: «Сказать кому следует, чтобы поставили особый телефон». Так у нас появился еще один аппарат со шнуром почти в 10 метров длиной; это было очень удобно при докладах обстановки по картам.

Между 10 и 11 часами, редко чуть позже, Верховный сам звонил к нам. Иногда здоровался, а чаще прямо спрашивал:

— Что нового?

Начальник Оперативного управления докладывал обстановку, переходя от стола к столу с телефонной трубкой у уха. Во всех случаях доклад начинался с фронта, где боевые действия носили наиболее напряженный характер, и, как правило, с самого острого участка. Обстановка излагалась последовательно, за каждый фронт в отдельности в произвольной форме.

Если нашим войскам сопутствовал успех, доклад обычно не прерывался. По телефону были слышны лишь редкое покашливание да чмоканье губами, характерное для курильщика, сосущего трубку.

Пропускать в докладе какую-либо армию, если даже в ее полосе за ночь не произошло ничего важного, Сталин не позволял. Он тотчас же перебивал докладчика вопросом:

— А у Казакова что?

Иногда в ходе доклада Верховный Главнокомандующий давал какое-то указание для передачи на фронт. Оно повторялось вслух, и один из заместителей начальника управления тут же записывал все дословно, а затем оформлял в виде распоряжения или директивы.

Около полудня начальник Оперативного управления шел к начальнику Генерального штаба. В кабинете последнего имелся

такой же, как у нас, комплект карт, и к этому времени на них была нанесена самая полная и новейшая обстановка. Оставалось только сообщить, как прошел доклад Верховному, какие от него получены указания, и представить на подпись подготовленные распоряжения войскам.

Такой несколько необычный порядок докладов — сначала Верховному Главнокомандующему, а затем уже начальнику Генерального штаба — был определен лично Сталиным. Делалось так, потому что по распорядку нашей работы в 10–11 часов начальник Генштаба еще отдыхал...

<...> К 15 часам в Оперативном управлении заканчивалась обработка данных за первую половину дня. Они докладывались начальнику Генерального штаба моим заместителем генерал-лейтенантом А. А. Грызловым. Сам я в это время отдыхал. Часто вместе с Грызловым шел и начальник того направления, где в данный момент обстановка была особенно острой. Начальник Генштаба сам расспрашивал его, затем уточнял все по ВЧ и около 16 часов докладывал обстановку Верховному. Одновременно в Ставку и всем членам правительства по особому списку рассылалось второе боевое донесение.

К 21 часу опять собирались и обобщались данные по обстановке, и мы готовились к поездке в Ставку с итоговым докладом за сутки в целом. Вызов туда следовал, как правило, после 23 часов.

Когда на фронтах дела шли хорошо, доклад обычно проходил быстрее, но после него Сталин иногда приглашал нас посмотреть кинокартину, преимущественно фронтovou хронику. Нам было не до того. В управлении ожидала работа без конца и края. Но отказываться не осмеливались. Я сидел в кресле, обнимая портфель с оперативными картами. Особенно долго засиживались, если у Сталина были какие-нибудь иностранные гости. Им-то он обязательно показывал кинокадры о событиях на фронтах, причем и те, которые мы успели просмотреть раньше.

На исходе суток помимо нашего итогового доклада в Ставку представлялись еще и боевые донесения за каждый фронт в отдельности. Их подписывали военные советы фронтов, а Генштабом они только принимались по телеграфному аппарату Бодо, перепечатывались на машинке и в заверенных копиях рассылались по списку.

Таким образом, в течение суток Ставка получала три боевых донесения, два из которых рождались в Генштабе и одно — не-

посредственно на фронтах. Кроме того, для Сталина лично мы готовили двухсоттысячные карты по каждому фронту и одну сводную масштаба два с половиной миллиона. Меняли карты по мере необходимости: двухсотки примерно через два-три дня, а сводную — раз в пять-шесть дней...

<...> Так день за днем протекала работа Оперативного управления вплоть до окончания войны. В других управлениях Генштаба порядок был тот же, но содержание работы, конечно, другое.

<...>

С операцией «Кутузов»² у меня связаны очень неприятные воспоминания личного плана. В один из дней ее, явившись вместе с А. И. Антоновым на обычный доклад в Ставку, я, как всегда, разложил на столе карты по каждому фронту в отдельности и одну сводную. Доклад несколько затянулся, но проходил в спокойной обстановке. Так как тут же следовало решить ряд вопросов по использованию танков, И. В. Сталин пригласил Я. Н. Федоренко. Тот вошел и, не дожидаясь конца нашего доклада, стал раскладывать свои ведомости, справки, списки и другие документы поверх моих карт. Отвечая на вопросы Верховного Главнокомандующего, Яков Николаевич не всегда сразу находил нужные данные, переключившись с места на место, выложил на стол и свой выдавший виды портфель, чего мы никогда не делали.

Когда с докладом по обстановке все было закончено, я сложил карты и, перед тем как покинуть кабинет Верховного, еще раз, по выработавшейся уже привычке, внимательно осмотрел стол. Там оставались только документы Федоренко.

В Генштабе, как всегда, меня дожидались начальники направлений и отделов. По приезде из Кремля я немедленно же возвращал им все их документы и давал короткие указания, что нужно сделать. На этот раз, однако, два начальника своих карт не получили — в моем портфеле их не оказалось, в том числе самой главной — сводной.

Первой мелькнула мысль о том, что карты случайно захватил Федоренко. Звоню по телефону. Выясняется, что из Кремля он уже возвратился, но с документами еще не разобрался.

— Анатолий Алексеевич! — обратился я к Грызлову. — Срочно выезжайте к Федоренко, вместе с ним осмотрите все его хозяйство вплоть до сейфа. Может быть, карты там. Грызлов помчался, а я звоню к Поскребышеву. Прошу его посмотреть,

не осталось ли чего-либо из наших документов в кабинете Верховного. Нет, говорит, стол там чистый, и все разошлись.

Грызлов тоже вернулся ни с чем: у Якова Николаевича карт наших не оказалось.

Доложил о пропаже Антонову. Тот посоветовал Верховному пока не докладывать, может быть, карты найдутся.

В тот же день вторично поехали в Ставку, и, как условились, о происшествии — ни слова. Сталин тоже ничего не сказал.

Вернулся в Генштаб. Тут — никаких перемен: карты как в воду канули. Теперь у меня не осталось никаких сомнений в том, что они у Сталина. Ведь, кроме Ставки, я никуда не отлучался.

Дольше молчать было нельзя. На следующий день во время очередного доклада у Верховного я улучил удобный момент и твердо сказал:

— Товарищ Сталин, сутки назад мною оставлены у вас две карты с обстановкой. Прошу вернуть их мне.

Тот сделал удивленный вид:

— Почему вы думаете, что они у меня? Ничего у меня нет.

— Не может этого быть, — настаивал я. — Мы нигде, кроме Ставки и Генштаба, не бываем. Деться картам некуда. У вас они.

Сталин ничего на это не ответил. Вышел из кабинета в комнату отдыха и возвратился с картами. Он нес их, держа за угол, в вытянутой руке и, встряхнув, бросил на стол.

— Натё, да впредь не оставляйте... Хорошо, что правду сказали...

Об этом случае никогда более ни в Ставке, ни в Генштабе никто не вспоминал. Да и надобности в том не было. Он и без того послужил для меня предметным уроком на долгие годы.

<...>

<...> На летном поле стояло несколько самолетов Си-47. У одного из них прогуливались командующий ВВС А. А. Новиков и командующий авиацией дальнего действия А. Е. Голованов. У другого самолета я заметил знакомого мне летчика В. Г. Грачева. В 8 часов на аэродром прибыл И. В. Сталин. Новиков доложил ему, что для немедленного вылета подготовлены два самолета: один из них поведет генерал-полковник Голованов, другой — полковник Грачев. Через полчаса пойдут еще две машины с группой сотрудииков Наркоминдела.

А. А. Новиков пригласил Верховного Главнокомандующего в самолет Голованова. Тот сначала, казалось, принял это приглашение, но, сделав несколько шагов, вдруг остановился.

— Генерал-полковники редко водят самолеты, — сказал Сталин, — мы лучше полетим с полковником.

И повернул в сторону Грачева. Молотов и Ворошилов последовали за ним.

— Штеменко тоже полетит с нами, в пути доложит обстановку, — сказал Сталин, уже поднимаясь по трапу.

Я не заставил себя ждать. Во втором самолете полетели А. Я. Вышинский, несколько сотрудников Наркоминдела и охрана.

Только на аэродроме мне стало известно, что летим мы в Тегеран. Сопровождали нас три девятки истребителей: две — по бокам, одна — впереди и выше.

Я доложил о положении на фронтах. Обстановка у Коростеня стала еще более тяжелой. Вот-вот наши войска должны были оставить его. По всему чувствовалось, что противник намерен пробиться к Киеву и сбросить наши войска с завоеванного здесь плацдарма...

Тегеран появился примерно через три часа. Там нас встречал заместитель наркома внутренних дел генерал-полковник Аполлонов, посланный заранее для организации охраны советской делегации. Вместе с ним были какие-то штатские, которых я не знал; всего человек пять-шесть. К самому самолету подкатил автомобиль. В него сели Сталин и другие члены правительства. Автомобиль резко набрал скорость. За ним устремились две машины с охраной. Я поехал во второй.

Скоро мы были в нашем посольстве.

Советское посольство занимало несколько зданий в хорошем парке за надежной оградой. Неподалеку располагались здания английской миссии под охраной смешанной бригады англо-индийских войск. На значительном удалении от нас помещалось американское посольство.

Меня с шифровальщиком разместили на первом этаже того же дома, где жили Сталин и другие члены делегации. Отвели маленькую комнату с одним окном. Рядом был телеграф.

Вечером Сталин, отправляясь на прогулку в парк, поинтересовался, в каких условиях мы работаем. Наша комната не понравилась ему.

— Где же здесь разложить карты? И почему так темно? Нельзя ли устроить их где-нибудь получше?..

Результаты визита сказались немедленно. Нам тут же отвели большую и светлую веранду, принесли три стола, переставили

на новое место аппарат ВЧ. 28 ноября, уже на закате солнца, открылась конференция руководителей трех великих держав. Она проходила в отдельном здании на территории советского посольства. Мне тоже выдали пропуск туда, и я им пользовался. Охрану здания нес международный караул: на каждом из постов стояли три часовых — но одному от СССР, США и Англии. Сменяли их три разводящих. В общем, это был особый и, надо сказать, довольно занятый церемониал.

Вскоре по приглашению Сталина Рузвельт совсем переселился на территорию советского посольства. Диктовалось это соображениями безопасности: прошел слух, что на президента США готовится покушение.

Черчилль был весьма недоволен тем, что Рузвельт остановился в советском посольстве. Он полагал, и, видимо, не без основания, что это был очень хитрый шаг со стороны И. В. Сталина, который давал ему возможность встречаться с Рузвельтом в неофициальной обстановке, обговаривать без него, Черчилля, важные вопросы и склонять Рузвельта на свою сторону.

Советская делегация держалась на конференции очень уверенно. По разговорам, которые мне довелось слышать еще в поезде, я понял, что наша сторона намерена решительно поставить перед союзниками вопрос о втором фронте, с открытием которого последние явно тянули. Сталин неоднократно заставлял меня уточнять количество дивизий противника и его сателлитов на советско-германском и германо-союзнических фронтах.

Данные эти были использованы уже в первый день работы конференции. Они являлись своего рода козырем в руках советской делегации, когда дело коснулось сокращения сроков войны, неотложного открытия второго фронта, или, как говорили союзники, выполнения плана «Оверлорд». Цифры, характеризовавшие соотношение сил, били Черчилля не в бровь, а в глаз, изобличая все его попытки подменить второй фронт второстепенными операциями. Опираясь на цифры, Сталин показал, что в 1943 году из-за пассивности союзников немецкое командование сумело сосредоточить против нашей армии новые ударные группировки. И тут же было сообщено об осложнении обстановки на советско-германском фронте, в том числе даже о Коростене и в целом о положении дел под Киевом.

Одним из центральных на конференции был вопрос о том, что считать вторым фронтом и где его следует открыть. Советская

делегация буквально вынудила британскую делегацию признать, что операция «Оверлорд» должна представлять собой главную операцию союзников, что начинать ее надо не позже мая будущего года и проводить непременно на территории Северной Франции. Чтобы отстоять эту правильную точку зрения, Сталину пришлось провести краткий, но исчерпывающий критический разбор возможностей наступления союзников против Германии с других направлений. Наиболее подробно был рассмотрен вариант операций в Средиземном море и на Апеннинском полуострове, где союзные войска подходили к Риму.

Операции на северном побережье Средиземного моря рассматривались советским Верховным Главнокомандованием как второстепенные, поскольку там противник располагал относительно малыми силами и театр этот находился далеко от территории Германии. Что же касается Итальянского театра, то советская делегация понимала его значение для обеспечения свободного плавания судов союзников в Средиземном море. В то же время она указывала, что этот театр совершенно не подходит для ударов непосредственно по рейху, поскольку путь к его границам закрывали Альпийские горы.

Не подходили для вторжения в Германию и Балканы, куда прежде всего были обращены взоры Черчилля.

Советские представители предложили своим западным союзникам глубоко обоснованный в военном отношении вариант осуществления трех взаимосвязанных операций, полностью соответствующих сути и масштабам настоящего второго фронта: главными силами действовать по плану «Оверлорд» в Северной Франции, вспомогательный удар наносить в Южной Франции с последующим наступлением на соединение с главными силами и, наконец, в качестве отвлекающей использовать операцию в Италии. При этом достаточно подробно излагался наиболее целесообразный порядок взаимодействия названных операций по времени и задачам.

Особо было сказано относительно высадки союзников на юге Франции. Трудности здесь предвиделись значительные, но эта операция очень облегчила бы действия главных сил. Резюмируя советскую точку зрения по поводу Южной Франции, Сталин заявил:

— Я лично пошел бы на такую крайность.

Сталина, как известно, поддержал Рузвельт, и советское предложение о сроках операции «Оверлорд», а также о вспо-

могательных действиях на юге Франции было принято. Такое решение, несомненно, способствовало укреплению антигитлеровской коалиции трех великих держав, означало торжество идей их совместной борьбы.

На протяжении всего срока работы конференции я занимался своим делом: регулярно три раза в день собирал по телеграфу и телефону ВЧ сведения об обстановке на фронтах и докладывал их Сталину. Как правило, доклады мои слушались утром и после заседания глав правительств (а заседали они обычно по вечерам).

Почти ежедневно А. И. Антонов передавал мне проекты распоряжений, которые необходимо было скрепить подписью Верховного Главнокомандующего. После того как Сталин подписывал их, я сообщал об этом в Москву, а подлинники документов собирал в железный ящик, хранившийся у шифровальщика.

Один или два раза Сталин сам разговаривал с Антоновым. Был также случай, когда он лично связывался с Ватутиным и Рокоссовским и выяснял у них возможности ликвидировать контрнаступление противника под Киевом. Особенно его интересовало мнение Рокоссовского, фронт которого должен был оказать содействие фронту Ватутина на мозырском направлении.

Меня, как начальника Оперативного управления, живо интересовало, конечно, взаимодействие Советской Армии с войсками союзников в будущих операциях. Этот вопрос был поставлен Сталиным в беседе с Черчиллем 30 ноября и в тот же день, на третьем заседании глав правительств, сформулирован в виде обязательства СССР. В заявлении главы советской делегации по этому поводу не исключалась возможность, что для союзных войск наибольшая опасность будет существовать не в начале действий по плану «Оверлорд», а уже в ходе операции, когда немцы попытаются перебросить часть войск с восточного фронта на западный. Однако, забегаю несколько вперед, я должен сказать здесь, что, верная принятым на себя союзническим обязательствам, Советская Армия предприняла в 1944 году такие решительные действия, которые не только не позволили противнику снять войска с восточного фронта и перебросить их на запад, а, наоборот, вынудили Гитлера снимать дивизии с запада и бросать их на восток.

Не без трений решался вопрос о назначении главнокомандующего союзными войсками на западе. Лицо, выдвигаемое на этот пост, должно было нести, всю полноту ответственности за под-

готовку и проведение операции «Оверлорд». Без персональной ответственности за столь важное дело неизбежны были серьезные срывы, а то и полный провал задуманного. Это отлично понимали все участники конференции и в конечном счете договорились назначить главнокомандующим американского генерала Д. Эйзенхауэра.

В итоге работы Тегеранской конференции успешно разрешились и другие очень важные аспекты проблемы второго фронта, в частности вопрос о силах союзников, которые будут брошены на континент. Черчилль определил численность войск вторжения в миллион человек или что-то около этого.

Там же, в Тегеране, наши союзники заручились принципиальным согласием советской стороны объявить войну империалистической Японии после поражения гитлеровской Германии.

Помню, как много хлопот доставила мне карта Югославии, переданная И. В. Сталину У. Черчиллем. Сыр-бор загорелся из-за того, что данные британского премьера по этой стране не сошлись с данными, приведенными на конференции главой советской делегации.

В полдень 30 ноября карта поступила ко мне с категорическим приказом: «Проверить». Никаких материалов по Югославии под рукой не было. Пришлось срочно связываться с А. А. Грызловым. Тот продиктовал мне самые последние сведения о положении дел в Югославии. Выяснилось, что карта Черчилля была менее точной, чем наша. Но Сталин, насколько мне известно, в дальнейших своих беседах с Черчиллем уже не возвращался к этой теме.

<...>

О том, как разрабатывались планы операций и кампаний в Генеральном штабе, уже рассказывалось. Касался я и того, как они рассматривались и утверждались в Ставке. Но о последнем мне хотелось бы рассказать сейчас поподробнее.

Для обсуждения уже готового плана члены Ставки собирались обычно в кабинете И. В. Сталина. От военных при этом почти всегда присутствовали Г. К. Жуков и А. М. Василевский, не считая Антонова, меня и других генералов, представлявших исполнительный аппарат Генерального штаба и центральных управлений Народного комиссариата обороны.

Поскольку здесь же решались вопросы обеспечения операций вооружением и техникой, в Ставке нам часто приходилось встре-

чатся с прославленными советскими конструкторами самолетов, танков и артиллерии — А. С. Яковлевым, А. Н. Туполевым, С. В. Ильюшиным. А. П. Микояном, Ж. Я. Котиним, В. Г. Грабиним, а также с наркомаами Д. Ф. Устиновым, В. А. Малышевым, Б. Л. Ванниковым, А. И. Шахуриним. Военной техникой Сталин занимался лично и ни одного нового образца не пропускал в серийное производство без рассмотрения в Ставке или на заседании Государственного Комитета Обороны.

Обсуждение любого вопроса в Ставке протекало, как правило, в деловой и спокойной обстановке. Каждый мог высказать свое мнение. Сталин никого в особенности не отличал, всех называл пофамильно и только к Молотову обращался на «ты». К нему же самому существовала только одна форма обращения — «товарищ Сталин». Я не помню случая, когда бы Верховный Главнокомандующий перепутал или забыл фамилию кого-либо из довольно значительного числа людей, являвшихся в Ставку по его вызову...

<...> И. В. Сталин очень пристально следил тогда за событиями на подступах к Прибалтике. Антонову и мне чаще обычного приходилось ездить к нему с докладом на «Ближнюю дачу». Однажды мы попали туда как раз в обеденное время (обедал Сталин в 9–10 часов вечера, а иногда и позже). Верховный быстро решил все вопросы и пригласил нас в свою столовую. Такое случалось не раз, и память моя зафиксировала некоторые любопытные детали.

Обед у Сталина, даже очень большой, всегда проходил без услуг официантов. Они только приносили в столовую все необходимое и молча удалялись. На стол заблаговременно выставлялись приборы, хлеб, коньяк, водка, сухие вина, пряности, соль, какие-то травы, овощи и грибы. Колбас, ветчины и иных закусок, как правило, не бывало. Консервов он не терпел.

Первые обеденные блюда в больших судках располагались несколько в стороне на другом столе. Там же стояли стопки чистых тарелок.

Сталин подходил к судкам, приподнимал крышки и, заглядывая туда, вслух говорил, ни к кому, однако, не обращаясь:

— Ага, суп... А тут уха... Здесь щи... Нальем щей, — и сам наливал, а затем нес тарелку к обеденному столу.

Без всякого приглашения то же делал каждый из присутствующих, независимо от своего положения. Наливали себе кто что хотел. Затем приносили набор вторых блюд, и каждый так же

сам брал из них то, что больше нравится. Пили, конечно, мало, по одной-две рюмки. В первый раз мы с Антоновым не стали пить совсем. Сталин заметил это и, чуть улыбнувшись, сказал:

— По рюмке можно и генштабистам.

Вместо третьего чаще всего бывал чай. Наливали его из большого кипящего самовара, стоявшего на том же отдельном столе. Чайник с заваркой подогревался на конфорке.

Разговор во время обеда носил преимущественно деловой характер, касался тех же вопросов войны, работы промышленности и сельского хозяйства. Говорил больше Сталин, а остальные лишь отвечали на его вопросы. Только в редких случаях он позволял себе затрагивать какие-то отвлеченные темы.

Позже, уже в бытность мою начальником Генерального штаба, мне приходилось бывать за обеденным столом у Сталина не только в Москве, но и на юге, куда мы вызывались с докладами во время его отдыха. Неофициальный застольный ритуал оставался там точно таким же.

<...>

Все это было доложено И. В. Сталину в ночь на 24 июля, а утром Верховный Главнокомандующий позвонил по телефону в Генштаб и распорядился, чтобы мы срочно подготовили поздравительный приказ войскам, победившим противника в Курской битве. Это был третий приказ подобного рода. Проект его мы закончили к полудню. Адресовался он командующим войсками Центрального, Воронежского и Брянского фронтов: генералу армии К. К. Рокоссовскому, генералу армии Н. Ф. Ватутину и генерал-полковнику М. М. Попову.

Около 16 часов Антонова и меня вызвали в Ставку. Сталин был в радостном возбуждении. Он не стал слушать наш доклад об обстановке, которая и без того была уже известна ему, а сразу потребовал зачитать вслух проект приказа.

В самом начале заготовленного нами документа подчеркивался важнейший стратегический результат, завоеванный Советской Армией:

«Вчера, 23 июля, успешными действиями наших войск окончательно ликвидировано июльское немецкое наступление из районов южнее Орла и севернее Белгорода в сторону Курска».

Затем коротко сообщалось о противнике:

«С утра 5 июля немецко-фашистские войска крупными силами танков и пехоты, при поддержке многочисленной авиации,

перешли в наступление на орловско-курском и белгородско-курском направлениях. Немцы бросили в наступление против наших войск свои главные силы, сосредоточенные в районах Орла и Белгорода».

Никаких возражений со стороны Верховного Главнокомандующего такое начало приказа не вызвало, и чтение продолжалось:

«...Всего со стороны противника в наступлении участвовало 17 танковых, 3 моторизованные и 18 пехотных немецких дивизий».

Сосредоточив эти силы на узких участках фронта, немецкое командование рассчитывало концентрическими ударами с севера и юга в общем направлении на Курск прорвать нашу оборону, окружить и уничтожить наши войска, расположенные по дуге Курского выступа».

Далее говорилось, что немецкое наступление не застало наши войска врасплох, они были готовы не только к отражению натиска немцев, но и к нанесению мощных контрударов. Тут же приводились конкретные цифровые данные:

«Ценой огромных потерь в живой силе и технике противнику удалось лишь вклиниться в нашу оборону на орловско-курском направлении на глубину до 9 км и на белгородско-курском направлении — от 15 до 35 км. В ожесточенных боях наши войска измотали и обескровили отборные дивизии немцев и последующими решительными контрударами не только отбросили врага и полностью восстановили положение, занимавшееся им до 5 июля, но и прорвали оборону противника, продвинувшись в сторону Орла от 15 до 25 километров».

Когда дело дошло до вывода: «Таким образом, немецкий план летнего наступления нужно считать полностью провалившимся», — Верховный Главнокомандующий остановил чтение и продиктовал следующую вставку: «Тем самым разоблачена легенда о том, что немцы летом в наступлении всегда одерживают успехи, а советские войска вынуждены будто бы находиться в отступлении».

— Надо об этом сказать, — пояснил он. — Фашисты во главе с Геббельсом после зимнего поражения под Москвой все время носятся с этой легендой.

Вслед за тем в приказе шло перечисление отличившихся войск и назывались фамилии командующих армиями. Не похож он был на прошлые приказы и своей концовкой. Мы не могли

не помянуть здесь тех, кто во имя победы заплатил жизнью. Приказ заканчивался так:

«Поздравляю вас и руководимые вами войска с успешным завершением ликвидации летнего немецкого наступления.

Объявляю благодарность всем бойцам, командирам и политработникам руководимых вами войск за отличные боевые действия.

Вечная слава героям, павшим на поле боя в борьбе за свободу и честь нашей Родины!»

Приказ тут же был подписан и передан по радио. В Ставке он понравился. Нам предложили и впредь придерживаться этой формы, то есть адресовать приказ командующим фронтами, показывать фамилии командующих армиями и командиров отличившихся войск, кратко излагать результаты сражения. Оставлялась и концовка в честь павших героев. Она совершенствовалась раз от разу и наконец получила такую редакцию:

«Вечная слава героям, павшим в борьбе за свободу и независимость нашей Родины. Смерть немецким захватчикам!»

Эта же концовка, кроме последних трех слов, вошла и в приказ, посвященный победоносному завершению войны.

5 августа, когда были взяты Орел и Белгород, в Ставке возникла новая идея. Как только командующие фронтами доложили Верховному о взятии этих городов (о таких победах они всегда стремились докладывать ему непосредственно), генерала Антонова и меня вызвали в Ставку. Сталин только что вернулся с Калининского фронта. Собрались и все остальные члены Ставки.

— Читаете ли вы военную историю? — обратился Верховный к Антонову и ко мне.

Мы смешались, не зная, что ответить. Вопрос показался странным: до истории ли было нам тогда!

А Сталин меж тем продолжал:

— Если бы вы ее читали, то знали бы, что еще в древние времена, когда войска одерживали победы, то в честь полководцев и их войск гудели все колокола. И нам неплохо бы как-то отмечать победы более ощутимо, а не только поздравительными приказами. Мы думаем, — кивнул он головой на сидевших за столом членов Ставки, — давать в честь отличившихся войск и командиров, их возглавляющих, салюты. И учинять какую-то иллюминацию...

Так было решено отмечать победы наших войск торжественными залпами в Москве и каждый залп сопровождать пуском

разноцветных ракет, а перед тем передавать по всем радиостанциям Советского Союза приказ Верховного Главнокомандующего. Ответственность за это возлагалась на Генеральный штаб...

<...> В дальнейшем Генштаб разработал, а Верховный Главнокомандующий утвердил три категории салютов: 1-я категория — 24 залпа из 324 орудий, 2-я — 20 залпов из 224 орудий, 3-я — 12 залпов из 124 орудий³. Разрешение на каждый салют давалось лично Верховным. За редким исключением, Москва салютовала победителям в день изгнания противника из того или иного пункта. Перечень войск и фамилии командиров, которых надлежало отметить в приказе, представлялись командующим фронтом. Приказ готовился Оперативным управлением, причем вступительная его часть, характеризовавшая действия войск, или, как мы говорили тогда, «шапка» приказа, обязательно докладывалась Верховному Главнокомандующему. Обычно это делалось по телефону, и тут же согласовывалась категория салюта...

<...> С благодарственными приказами и салютами не всегда и не все проходило гладко. Бывали споры — кто взял тот или иной пункт? Случались и недовольства, когда Генштаб отказывал в салюте. Командующие некоторых фронтов, действовавших на местности с незначительным количеством крупных населенных пунктов, настойчиво просили произвести салют за относительно небольшие пункты. Если Генштаб не соглашался, они обращались прямо к Верховному, и тот иногда удовлетворял их просьбы. Так было, например, при освобождении Духовщины. В других случаях, отказав в салюте, Сталин все же отдавал нам распоряжение подготовить благодарственный приказ.

Приказы писались очень тщательно. Верховный Главнокомандующий сам следил за этим и не прощал оплошностей. Однажды он распорядился, чтобы при упоминании городов, когда-то переименованных, обязательно писалось в скобках старое название, например: Тарту (Юрьев, Дерпт). Пришлось специально выделять человека, который занимался такого рода уточнениями. В дальнейшем при освобождении Польши на него же возложили наблюдение за тем, чтобы в приказах отбитые у противника города назывались бы и по-польски и по-немецки...⁴

<...> С Верховным мы имели принципиальную договоренность буквально по всем деталям благодарственного приказа. И все-таки из-за спешки при подготовке текста оплошности иногда случались. Помню, в частности, такой случай. Однаж-

ды во время нашего доклада в Ставке позвонил Конев и сообщил прямо Сталину об освобождении какого-то крупного населенного пункта. Было уже около 22 часов, но Верховный Главнокомандующий распорядился дать салют в тот же день. На все приготовления у нас оставалось не более часа. Я тут же написал «шапку» приказа. Она была утверждена. После этого из соседней комнаты, где стояли телефоны, позвонил сначала Грызлову о немедленной передаче мне нумерации войск и фамилий командиров, затем на радио Пузину — о предстоящей передаче приказа и, наконец, коменданту города — о салюте. «Шапку» занес машинисткам и сел монтировать остальную часть приказа, пользуясь своей рабочей картой и имевшимся у меня списком командиров. Примерно через полчаса мы с Грызловым сверили наши данные. Я опять пошел в машбюро, продиктовал недостававшую часть текста, отослал приказ на радио и, вернувшись в кабинет Верховного, доложил, что все готово, в 23 часа салют будет.

— Послушаем, — сказал Сталин и включил неказистый круглый динамик на своем письменном столе.

По радио приказ всегда читался с таким расчетом, чтобы не более чем через минуту по окончании чтения грохотал салют. Так было и на этот раз. Своим торжественным, неповторимым голосом Ю. Б. Левитан начал:

— Командующему 1-м Украинским фронтом! Войска 1-го Украинского фронта в результате...

В этот миг Сталин вдруг закричал:

— Почему Левитан пропустил фамилию Конева? Дайте мне текст! В тексте фамилия Конева отсутствовала. И виноват в этом был я: когда готовил «шапку», заголовок написал сокращенно — «Ком. 1 УФ», упустив, что имею дело не с генштабовскими машинистками. У нас, в Генеральном штабе, они сами развертывали заголовки. Сталин страшно рассердился.

— Почему пропустили фамилию командующего? — спросил он, в упор разглядывая меня. — Что это за безымянный приказ?.. Что у вас на плечах?

Я промолчал.

— Остановить передачу и прочитать все заново! — приказал Верховный.

Я бросился к телефону. Предупредил КП не давать залпов по окончании чтения приказа. Потом позвонил на радиостудию,

где Левитан уже кончил читать, и попросил, чтобы он повторил все сначала, но обязательно назвал бы фамилию Конева.

Левитан почти без паузы стал читать приказ вторично, а я опять позвонил на КП и распорядился, чтобы давали теперь салют, как полагается. Все это происходило на глазах у Верховного Главнокомандующего. Он, казалось, следил за каждым моим движением и, когда мне удалось наконец исправить свою ошибку, сердито бросил:

— Можете идти.

<...>

без ведома Ставки командующим артиллерией Красной Армии Главным маршалом артиллерии Н. Н. Вороновым были разработаны и представлены на утверждение два устава: 29 мая 1944 г. — Боевой устав зенитной артиллерии, а 18 октября того же года — Боевой устав артиллерии Красной Армии. Оба устава были утверждены Маршалом Советского Союза Г. К. Жуковым.

В назначенный день наш доклад по обстановке на фронтах и по «делу об уставах» начался сразу после заседания Политбюро. И. В. Сталин долго ходил по кабинету и, обращаясь к членам Политбюро, сказал:

— Надо по этому случаю издать приказ. Генштабу, наверное, неудобно писать про двух больших начальников, поэтому мы сами напишем.

— 29 мая 1944 года, — начал диктовать И. В. Сталин, — Главным маршалом артиллерии тов. Вороновым был представлен на утверждение зам. Наркома маршала Жукова без предварительного одобрения со стороны Ставки Верховного Главнокомандования Боевой устав зенитной артиллерии Красной Армии (две части).

Затем, посмотрев в уставы, лежавшие у него на столе, продолжил:

— 18 октября 1944 года, также без представления и без доклада Ставке Верховного Главнокомандования, тов. Вороновым был внесен на утверждение маршала Жукова Боевой устав артиллерии Красной Армии. Маршалом Жуковым без достаточной проверки, без вызова и опроса людей с фронта и без доклада Ставке указанные уставы были утверждены и введены в действие.

Немного помедлив, Сталин продолжал:

— Проверка показала, что эти уставы в связи с поспешностью, допущенной при их утверждении, имеют серьезные пробелы, они

не учитывают ряда новых систем орудий и не увязаны с планом принятия уставов артиллерии Красной Армии.

Нужно сказать, что Верховный Главнокомандующий обычно пояснял причину, вызывающую необходимость того или иного приказа. Так он поступил и сейчас.

— Народный комиссариат обороны исходит из того, что устав — это не приказ, имеющий силу на короткий срок. Устав — это свод законов для Красной Армии на годы. Поэтому требуется перед утверждением устава тщательная его проверка с вызовом товарищей с фронта. В таком порядке был утвержден Боевой устав пехоты. В таком же порядке надо было вести работу при представлении на утверждение и этих уставов, чтобы не допустить ошибок и чтобы попусту не наказывать потом военнослужащих из-за нарушения дефектных уставов. Приходится установить, что тов. Воронов пренебрег этим методом выработки и представления на утверждение уставов, а маршал Жуков забыл о нем...

Теперь наступила очередь заключительной части приказа. Все присутствующие внимательно слушали. И. В. Сталин ровно и твердо произнес:

— В связи с этим... — И затем, чуть помедлив, словно подчеркивая смысл, продиктовал: — Первое. Отменяю, — опять посмотрел в уставы, где были проставлены номера приказов, — приказы № 76 и 77 от 29 мая 1944 года и 209 от 18 октября 1944 года заместителя Наркома обороны СССР маршала Жукова об утверждении и введении в действие Боевого устава зенитной артиллерии и Боевого устава артиллерии Красной Армии.

Второе. Ставлю на вид Главному маршалу артиллерии товарищу Воронову несерьезное отношение к вопросу об уставах артиллерии.

Третье. Обязываю маршала Жукова впредь не допускать торопливости при решении серьезных вопросов.

Приказываю:

Для просмотра и проверки указанных выше уставов образовать комиссии:

а) комиссию по просмотру и проверке Боевого устава зенитной артиллерии;

б) комиссию по просмотру и проверке Боевого устава артиллерии.

Заместителю Народного комиссара обороны СССР товарищу Булганину определить состав комиссий и представить мне на утверждение,

Настоящий приказ разослать всем командующим фронтами (округами), армиями, начальникам главных и центральных управлений и командующим родов войск Наркомата обороны СССР...

Мы, да и все другие, кого это касалось, запомнили этот урок навсегда.

<...>

